

С.А. Смирнов

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРЕВРАЩЕННАЯ ФОРМА*

Смирнов Сергей Алевтинович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник. Институт философии и права СО РАН. Российская Федерация, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8; e-mail: smirnoff1955@yandex.ru

В статье дается анализ проблемы, связанной с обсуждением онтологического статуса виртуальной реальности. Автор предлагает обсуждать проблему реальности виртуальных миров в категориях превращенных форм. В этой связи дается анализ того, как было введено это понятие К. Марксом и как оно обсуждалось далее в научной литературе. Предлагается рассматривать превращенную форму не как извращенную или ложную реальность, а как отдельную форму жизни, но представленную в ее превращении, на примере метаморфозы стоимости труда в денежную форму товара, как это было показано в «Капитале». На этом примере предлагается понимать виртуальную реальность как такую же превращенную форму реальности, а не иллюзию сознания, и не воображаемый мир. Вводятся качества превращенной формы реальности: 1) отдельная, но не самостоятельная форма жизни; 2) выполнение роли в процессе превращения в качестве опосредованной формы; 3) представленность в виде копии исходного оригинала; 4) знаково-символический способ существования; 4) зависимость от исходной, родовой формы реальности, не самостоятельность. Показано, что виртуальная реальность представляет собой как бы недоовещенную форму реальности, существование в ее потенции. Подобное представление функционировало в истории философии в виде идеи потенциального бытия, но это представление не стало впоследствии основанием для выработки самостоятельной онтологии виртуальной реальности. Проводится различие между представлением о виртуальной реальности как реальности, а не иллюзии (реальности цифровых объектов) в концепции Д. Чалмерса, и реальности в виде ее превращенной формы. Показывается, что виртуальная реальность не сводится лишь к реальности воображаемых миров, к реальности сознания, реальности особых психологических состояний. Дается обоснование, что виртуальная реальность представляет собой продолжение естественно-искусственного процесса изменения деятельности человека, только воплощенной в ее превращенной форме. В этой связи автор предлагает понимать виртуальную реальность как такую форму жизни в ее превращении и недоовещенности, которую человек должен использовать в виде нового ресурса для своего развития с целью преодоления отчуждения от самого себя.

* Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 21-18-00103, <https://rscf.ru/project/21-18-00103/>.

Ключевые слова: виртуальная реальность, превращенная форма, форма жизни, отчуждение, превращение, человек, потенциальное бытие

Для цитирования: Смирнов С.А. Виртуальная реальность как превращенная форма // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 1. С. 21–38.

В настоящее время в научной литературе весьма актуальной остается тема, касающаяся проблемы онтологического статуса виртуальной реальности. Выступает ли последняя особым модусом реальности? Имеет ли она какой-то онтологический статус? Относится ли она к сфере сущего? Или она является скорее фикцией или иллюзией сознания? Если виртуальность выступает модусом реальности, то какова природа этой реальности?

Мы полагаем, что разговор о природе виртуальной реальности (далее – ВР) относится к тем важным вопросам современной научной повестки, от обсуждения которых зависит и дальнейшее решение вопроса о природе вообще всех социокультурных и антропологических трансформаций, переживаемых человеком в настоящее время.

В качестве научной гипотезы допускаем, что ВР есть разновидность такой формы жизнедеятельности человека, как превращенная форма (далее – ПФ). Последняя, как было ранее показано в различных исследованиях, является не просто реальностью, но и важнейшей формой существования сложных систем, но в их превращенной форме. Для осмысления и понимания природы ВР, представленной как превращенная форма, нам необходимо в этой связи сначала рассмотреть вопрос о природе самой превращенной формы.

Открытие превращенной формы

ПФ или превращенные объекты – реальность особая. Как выразился в свое время М.К. Мамардашвили, свойства этих объектов «фундаментально неклассичны»¹. В своих известных работах он описал схему превращения.

Реальные отношения людей, их реальные деятельности, воплощаются в вещной и знаково-символической форме, отчуждаются от них и начинают жить по своим законам. Происходит превращение (метаморфоза) реальности. Результат превращения оборачивается в свою объективированную форму, становится той самой ПФ, или превращенным объектом. ПФ «получает самостоятельное “сущностное” значение, обособляется, и содержание заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы <...> и становится на место действительного отношения»².

Феномен ПФ открыл и впервые описал на экономическом материале К. Маркс, назвав ее *verwandelte Form*, показав воплощение в денежной форме стоимости, в феномене цены, замещающей стоимость товара.

Исходно вещь обладает потребительной стоимостью, будучи полезной для кого-то, являясь тем самым продуктом. Она становится товаром,

¹ См.: Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд. М., 1992. С. 269.

² См.: Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 4. М., 2001. С. 264.

поскольку на нее затрачен труд, и она может быть приобретена, поскольку обладает меновой стоимостью. Все товары как стоимости представляют собой овеществленный человеческий труд³.

Но чтобы приобрести вещь как товар, последний должен быть переведен в иную форму своего существования, в ее денежную форму, замещающую товар: «Деньги как мера стоимости есть необходимая форма проявления имманентной товарам меры стоимости – рабочего времени»⁴. Заметим: в *мере* как *идеальной* категории выражен *материальный* характер товара, его потребительная стоимость, то есть человеческий труд, затраченный на его создание.

Но рабочее время не выступает эквивалентной формой товаров, поскольку не выражено в ПФ. Таковой становится денежная форма, выраженная в цене, но не имеющая ни грана вещества, товара, являясь лишь *идеальной формой*, она «есть нечто, отличное от их (товаров) чувственно воспринимаемой реальной, телесной формы, следовательно – форма идеальная, существующая лишь в представлении»⁵. Но далее в этом месте следует фраза: «стоимость железа, холста, пшеницы и т.п. существует, хотя и невидимо, в самих вещах, она существует в их равенстве с золотом, в их отношении к золоту, в отношении, которое, так сказать, существует в их голове», то есть в самих вещах, говорит К. Маркс метафорически⁶.

По поводу этого фрагмента Э.В. Ильенков, много и подробно занимавшийся проблематикой диалектики идеального, в свое время удивлялся, отмечая приключения перевода. Рядом соседствуют два суждения. Сначала – суждение о том, что идеальная форма существует в представлении, то есть в сознании людей, потом – суждение о том, что идеальная форма существует в самих вещах. Э.В. Ильенков резонно полагал, что К. Маркс прежде всего имеет в виду реальность превращенных форм в самих вещах, например, самостоятельное существование денежной формы, вещно воплощенной в денежных знаках⁷. Сам К. Маркс неоднократно пояснял, что в отличие от Гегеля, у которого идеальное, то есть процесс мышления, превращается в самостоятельного субъекта, в демиурга, у него идеальное есть «материальное, пересаженное (übersetzen) в человеческую голову, и преобразованное в ней»⁸ (Ср.: «...das Ideelle nichts andres als das im Menschenkopf umgesetzte und übersetzte Materielle»)⁹. Употребленный в этом месте глагол übersetzen означает не только собственно действие по переводу с языка на язык, но и действие по переводу, перевозке, переправке вещей и людей, например, с берега на берег (перевозить, переводить, переплавлять). Понятно, что метаморфоза, превращение, например, стоимости в ПФ происходит не в голове, а вне ее, но и не само по себе вне человека, а благодаря работе и трансформации человеческой деятельности и продуктов ее труда, в результате чего идеальное приобретает двоякую природу. Идеальная форма суть реальное отношение людей, их деятельностей, переведенное и проведенное через их сознание

³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. 2-е изд. М., 1960. С. 104.

⁴ См.: Там же. С. 104.

⁵ См.: Там же. С. 105.

⁶ См.: Там же.

⁷ Ильенков Э.В. Идеальное и реальность. 1960–1979. М., 2018. С. 104–105.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 21.

⁹ Marx K., Engels F. Werke. Bd. 23: Das Kapital. Bd. I. Berlin, 1968. S. 27.

и возвращенное в материальный мир, но воплощенное в ПФ, как это происходит, например, с воплощением стоимости в денежную форму товара.

Итак, цена есть денежное выражение овеществленного в товаре труда, выступает мнимой величиной, как бывают мнимые величины в математике. Ценой может обладать даже то, что и не произведено в процессе труда, например, совесть, честь, имя¹⁰. Они могут для своих владельцев стать предметом купли-продажи, им может быть назначена цена, хотя они и не произведены. Но они могут стать товаром на рынке именно в силу превращения: качество человека заменяется его ценовой формой. Последняя начинает жить своей жизнью как «объективная мыслительная форма», в силу чего обывателю кажется, что деньги обладают своей сущностью, самостоятельной силой, им присваиваются сущностные определения.

Но деньги есть всего лишь знаки, они обозначают не себя, представляют другую реальность, становясь мерой, представляя золото, которое само представляет стоимость, за которой стоит труд. Но в процессе этой длинной замены происходит метаморфоза, и «функциональное бытие денег поглощает <...> их материальное бытие»¹¹. Мера заменяет ту реальность, которую замещает и заменяет. Идеальная форма замещает материальное содержание, существуя, с одной стороны, как универсальная мера, с другой, как знаковое тело (денежный знак).

Итак, как только вещь становится товаром, она превращается в «чувственно-сверхчувственную вещь». Мистический характер товара порождается не его потребительной стоимостью, полезностью, а его способностью быть купленным по цене, не равной ему самому. Мера обмена вещи побеждает саму вещь, побеждает и тот труд, который был потрачен на ее производство. Товарная форма выступает зеркалом, но кривым зеркалом, отражающим общественные отношения вещей. Именно потому, что вещь представляет не саму себя, людям нужна не сама по себе вещь в ее телесной оболочке, а ее *общественная мера*, стоимость. Стоимость превращает каждый продукт труда в «общественный иероглиф»¹². Последний воплощается в денежной форме, законченной форме товарного мира, которая «скрывает за вещами общественный характер частных работ»¹³.

Почему же происходит процесс превращения? За ним стоит другой процесс – отчуждение труда, шире – отчуждение человека от продуктов своего труда, от самого себя, за которым стоит процесс разделения труда, то есть расщепления самого человека, в силу чего человек перестает управлять самим собой.

Проблема отчуждения, в том числе описанная в работах К. Маркса, давно и подробно проанализирована в ряде работ философов-марксистов и неогегельянцев, в текстах которых явно проступает гегелевская терминология и идеологический контекст¹⁴.

¹⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 112.

¹¹ См.: Там же. С. 140.

¹² См.: Там же. С. 84.

¹³ См.: Там же. С. 86.

¹⁴ См.: Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии. М., 1969. С. 73–144; Давыдов Ю.Н. Перспектива марксистской культурологии (от проблематики отчуждения к проблеме культуры) // Неомарксизм и проблемы социологии культуры. М., 1980. С. 263–350.

Прежде, чем выйти на проблему превращения, К. Маркс заложил в основание своей концепции деятельностьную онтологию человека, пытаясь поставить философию с головы на ноги, в противовес философии духа Г.В.Ф. Гегеля. Для К. Маркса человек есть то, что он производит из себя сам своей предметной деятельностью. Человек есть деятельностьное существо. Его сущее есть то, которое описывается в категориях предметной деятельности и ее формах. Развитие предметной деятельности, ее дальнейшее разделение и расщепление означает естественно-исторический процесс изменения, метаморфозы, причем реальный, а не иллюзорный, происходящий с самим человеком. История в этом смысле есть не что иное, как «деятельность преследующего свои цели человека»¹⁵.

Поэтому человек таков, каким он сам себя реально производит в мире своей собственной предметной деятельности¹⁶. Но по этой же причине в мире этой же предметной деятельности универсальное осуществление предметной деятельности невозможно. Последняя всегда расщепляется на части. Но разделение деятельности приводит к разделению и самого человека, превращая человеческих индивидов в «частичных индивидов», приводя к тому, что «не только частичные работы распределяются между различными индивидуумами, но и сам индивидуум разделяется», становится раздробленным¹⁷. Вместе с разделением труда разделяется и сам человек, превращающийся в «частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции»¹⁸.

Такое расщепление происходит неизбежно в силу развития отчужденного труда, в результате чего человеку «созданное им самим богатство предстает как чужое богатство, его собственная производительная сила – как производительная сила его продукта, его обогащение – как самообеднение, его общественная сила – как сила общества, властвующая над ним»¹⁹.

В результате и сам человек превращается из субъекта в объект, а предметная деятельность воплощается в вещные, иррационально-превращенные формы. Так возникает «отчужденное трудом, наделенное самостоятельностью по отношению к нему и тем самым превращенное формообразование»²⁰. Иррационально-превращенная форма есть форма «не только скрывающая свое действительное происхождение, но и скрывающаяся от него»²¹.

Это место – итог и корень определения и происхождения ПФ. ПФ есть реальная форма жизни, не иллюзорная, но отчужденная от истока собственного происхождения, отрекшаяся от него, но замещившая его, как вещь «забывает» своего создателя, человека, и замещает его²².

Так отчуждение предметной деятельности отрывает предметность от живого истока, от живой активности как процесса и придает ее результату (предметному воплощению) специфическую превращенную форму овеществления. Предмет превращается из человеческого в нечеловеческий, замещающий

¹⁵ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 2. 2-е изд. М., 1955. С. 102.

¹⁶ См.: Батищев Г.С. Указ. соч. С. 104.

¹⁷ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 737.

¹⁸ См.: Там же. С. 499.

¹⁹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 26. Ч. III. 2-е изд. М., 1964. С. 268.

²⁰ Цит. по: Батищев Г.С. Указ. соч. С. 120.

²¹ Там же.

²² С известной долей условности (*cum grano salis*) формы творения, отделившиеся от Создателя, забывшие его, свой исток, можно назвать превращенными формам творения, включая и профанную, редуцированную до быта жизнь человека.

его. Тем самым мир людей замещается миром вещей. Последние наделяются волей, качеством субъектности, они «хотят», «желают», «действуют». А люди овеществляются, лишаются своей субъектности, выполняя лишь вещные функции, становясь функциями большого тела отчужденного труда, его «простыми органами», его частями²³. Поэтому общественные отношения в предметной деятельности при ее отчуждении заменяются на «вещные отношения лиц и общественные отношения вещей»²⁴.

Превращение выступает способом и механизмом опосредования элементов сложных систем (здесь – экономической сферы) и измерением непосредственно несоизмеримых величин и элементов. Но для обыденного сознания ПФ представлена в мистической форме, поскольку процесс превращения для него скрыт, а деньги выступают формой мистификации, как иррациональные числа в математике²⁵. Важно то, что ПФ являются не иллюзией сознания, не сновидением, не галлюцинацией, они выступают «объективными мыслительными формами». ПФ представляет собой реальность, но особую, превращенную.

В этом плане к ПФ не применимы такие определения, как «извращенный», «искаженный», «ложный», «неправильный»²⁶. Превращенный объект – объект, перешедший в иное состояние, перенесший метаморфозу, ставший другим, что не означает того, что он стал ложным и извращенным. Заметим, однако, что если мнимые числа в математике (типа квадратного корня из отрицательного числа, $\sqrt{-2}$) существуют в мышлении математиков и выражены в знаковой форме, то денежные формы существуют не только в сознании людей, но прежде всего как «объективные мыслительные формы», помимо сознания людей, по своим законам. Деньги – иррациональная форма товара, служащая для измерения неизмеримого.

ПФ замещает реальность, будучи сама другой реальностью. Не иллюзией и не мистическим явлением. Просто она становится на место действительных отношений. Природа ПФ заключается именно в ее превращенности и представленности последней в вещной форме. Но не форма (денежная, знаковая) есть ее реальность, а ее превращенность выступает ее реальностью. Поэтому последняя не сводится к субъективным фикциям и иллюзиям сознания. Более того, ПФ не является вообще лишь формой сознания. Это особая реальность, существующая помимо сознания отдельных индивидов и принимаемая последними как необходимая и неизбежная. Ее существование абсурдно с точки зрения научного познания, как абсурден «жареный логарифм». Но тем не менее ПФ существуют.

Некоторые авторы допускают, что превращение – это «универсальный тип метаморфозы нелинейных и органических систем, который не несет

²³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 13. 2-е изд. М., 1959. С. 17.

²⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 83. В другом месте: «персонификация вещей и овеществление лиц» (Там же. С. 124).

²⁵ См.: Лангштейн М.С. Превращенные формы в политической экономии: вопросы методологии // Экономика Советской Украины. 1986. № 10. С. 39–46. Иррациональными числами называются числа, несоизмеримые с единицей, а потому не могущие быть выраженными ни целым, ни дробным числом. С помощью иррациональных чисел соизмеряются непосредственно несоизмеримые переменные величины.

²⁶ См. также: Рушаник Б.А. Через превращенные формы – к политической экономии социализма // Экономические науки. 2012. № 2 (87). С. 46–50; Рагозина Т.Э. Форма превращенная как универсальная категория диалектики // Культура и цивилизация. 2017. № 2 (6). С. 60–69.

в себе деструктивности и извращенности, а выступает иррациональным (парадоксальным) способом бытия различных типов рационализма (знания)²⁷. Превращение должно рассматриваться не как деструктивное формообразование, а как необходимый и нормативный процесс существования социальных систем²⁸. Эффект превращения делает их гибкими и открытыми.

Ведь что такое превращение? Это преобразование исходного родового отношения в иное и замена его последним. Деньги не могут быть извращенной формой и тем более фикцией. Они есть такой способ существования товарной формы, который неминуемо должен был прийти ей на смену. Как неминуем и метаморфоз самих денег. От натурального обмена люди переходят к обмену с помощью товарных посредников в неденежной форме, которые сами меняли свою форму существования, выполняя роль денег, типа пушнины или кожи, далее появились металлические деньги, бумажные деньги, электронные деньги, банковские карты, криптовалюта... И этот процесс превращения и замещения все более шел в сторону *виртуализации денежной формы*, все более удаляясь от своей вещной оболочки, но оставаясь всеобщим заменителем и выступая чистой воды превращенной формой товара.

Тем самым, забегаая вперед к теме виртуальности, заметим, что превращение идет по линии все большей виртуализации и цифровизации: вещь – товар – деньги натуральные – деньги-знаки – электронные деньги.

ПФ есть эффект игры другой, исходной по отношению к ней формы жизни (деньги – превращенная форма товара и его стоимости, прибыль – превращенная форма прибавочной стоимости, зарплата – превращенная форма стоимости труда и т.д.). Цепь этих превращений и *опосредований* может продолжаться до бесконечности, пока наличествуют эти формы жизни. По отношению к каждой новой ПФ предшествующая оказывается ее содержанием и внутренним единством, а каждая последующая – превращенной формой действительного существования предыдущей формы жизни. Чем длиннее цикл, тем больше превращений и опосредующих звеньев между исходной и превращенной формой, тем больше скрыты следы этих превращений и опосредований²⁹.

ПФ выступает необходимым конструктом и способом описания деятельностных форм существования, переживающих метаморфозу, происходящую вне сознания отдельных индивидов. Эта метаморфоза – процесс, происходящий не в голове человека, а вне ее. Это и показывает, почему К. Маркс представляет этот феномен как «объективные мыслительные формы».

В связи с тем, что процесс превращения есть долгий, бесконечный процесс изменения связей и отношений людей и деятельности, то в таком процессе каждая новая ПФ выступает в роли посредника последующего превращения, что отмечает Лангштейн³⁰. Сам процесс превращения в этом смысле он называет *процессом опосредования*, что вообще снимает с понятия ПФ ее негативную коннотацию. С помощью ПФ происходит опосредование связи разных элементов, с помощью ПФ как опосредующего звена

²⁷ См.: Римский В.П., Калинина Г.И. Самополагание науки и превращенные формы знания // Научные ведомости. Сер.: Философия. Социология. Право. 2012. № 20 (139). Вып. 22. С. 30.

²⁸ Там же. С. 29.

²⁹ Рагозина Т.Э. Указ. соч. С. 63.

³⁰ См.: Лангштейн М.С. Указ. соч. С. 42.

разрешается исходное противоречие и происходит вывод системы на новый качественный уровень развития.

Итак, ПФ выступает как *отдельная форма жизни*, проявляющаяся по отношению к предыдущей форме жизни как *способ ее превращения*. Содержание предыдущей формы жизни выступает в ПФ ее формой, но в превращенном, преобразованном виде. ПФ представлена как *идеальная форма* в ее различных вариантах знаково-символического опосредования (вещи, тексты, знаки, символы, числа, образы...). В этом смысле ПФ может выступать внешней, телесно (в вещи и знаке) представленной формой жизни сознания, но в его знаково-символическом преломлении. ПФ замещает исходную форму жизни, скорее выступая *ее копией*, замещением, знаком, но в этом плане является более доступной и открытой для освоения. В обыденной и повседневной жизни люди предпочитают в этом плане пользоваться копией вместо оригинала, то есть деньгами вместо товара и тем более стоимости, и далее – заменителями и самих денег (банковские карты и проч.).

Поэтому ПФ не является извращенной формой, имитацией, ложной формой, фейком, обманом, иллюзией. ПФ существует как форма жизни, проделавшая путь превращения, но она не форма ложного сознания, не иллюзия и не обман зрения. Но важно то, что коль скоро она форма превращенная, идущая от исходного отношения, от исходной формы жизни, то она *не является самостоятельной формой сущего*, она не полагает собственной реальности, а значит не обладает своей онтологией. Не может быть онтологии у ПФ, как не может быть онтологии денег или онтологии цены. Но может быть онтология экономической жизни или социальной жизни. Но в последней исходная реальность может переживать метаморфозы, воплощаясь в ПФ.

Виртуальная реальность как превращенная форма

Рассмотрим в этой связи виртуальную реальность (далее – VR) в категориях превращения, метаморфозы, то есть в категориях опосредования, тем самым представляя VR не как извращенную изнанку существования, не как иллюзию и ложную форму, а как необходимую, но превращенную форму жизни, выступающую посредником для перехода человека на новый уровень социальной жизни.

Открытый К. Марксом феномен ПФ показывает фактически существо феномена превращения на разном материале. Виртуальная реальность, по этой логике, выступает именно такой ПФ. Особенно ярко понимание VR как ПФ видно на примере виртуальных, электронных денег, криптовалют.

Различные авторы, пытаясь определить VR, исходя из ее генезиса в техническом плане. Мол, VR – та, которая создается с помощью информационных программ и компьютерной техники³¹. Это означает, что тогда она сугубо человекотворна, создается разработчиками информационных программ, проще говоря, она – продукт алгоритма. Признаем, что такое понимание редуцирует VR, за этим стоит допущение что VR – какая-то реальность не настоящая, а проще говоря – придуманная, а значит, иллюзорная.

³¹ См., напр.: *Немыкина О.И.* Понятие виртуальности в философском контексте // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (17). С. 57.

В настоящее время как раз распространена точка зрения, согласно которой ВР есть иллюзия реальности. Человек, попадающий в виртуальный мир, попадает в иллюзорную реальность. Он ее создает и там начинает жить, но жить как бы не по-настоящему. ВР в таком случае суть разновидность ПФ, спецификой ее является то, что если привычная человеку материальная деятельностьная форма в виде денег и цены существует среди деятельностных форм существования, то ВР существует и создается с помощью особой техники и алгоритмов.

Виртуальная реальность (Virtual reality, VR) при таком подходе – это фактически созданный с помощью современной техники мир виртуальных сред, к которым можно получить доступ с помощью иммерсивных устройств (шлемов, очков, наушников). Виртуальная среда полностью заменяет до виртуальный мир. Человек погружается в виртуальность, может даже манипулировать цифровыми объектами, погружаясь, например, в видеоигру. С помощью особых программ человек попадает в виртуальную, дополненную реальность, добавляя все новые и новые виртуальные слои. В этом плане виртуальность понимается как сугубо воображаемый мир или особое состояние, которые реально не существуют, но могут возникнуть при определенных условиях (при наличии технических устройств и средств погружения в виртуальную среду).

Другие авторы полагают, что виртуальная реальность не иллюзия, а особая, цифровая, реальность. Этот спор будет тупиковым, если, как было сказано выше, не показывать механизма превращения, который скрыт от невооруженного глаза.

Например, автор концепции виртуального реализма Д. Чалмерс полагает, что виртуальность есть реальность, не иллюзия: «Я утверждаю, что виртуальная реальность – это своего рода подлинная реальность. В частности, я выступаю за виртуальную дигитальность (virtual digitalism), в которой виртуальные объекты являются реальными цифровыми объектами, и против виртуального фикционализма, в котором виртуальные объекты являются вымышленными объектами. Я также утверждаю, что восприятие в виртуальной реальности не обязательно должно быть иллюзорным, и что жизнь в виртуальных мирах может иметь примерно такую же ценность, как жизнь в не виртуальных мирах»³². Согласно его логике, виртуальные объекты реально существуют. События в виртуальной реальности действительно происходят. Переживания в виртуальной реальности не являются иллюзорными. Виртуальные переживания обладают такой же ценностью, как и не виртуальные переживания³³. При этом специфика реальности виртуальных объектов и событий заключается в том, что виртуальные объекты суть цифровые объекты. Они являются продуктами вычислительного процесса, происходящего в генерирующей виртуальные среды компьютере³⁴.

В своей последней книге Д. Чалмерс продолжает ту же аргументацию, согласно которой виртуальные миры – такие же реальные и даже более

³² Chalmers D.J. The Virtual and the Reality // Disputatio. 2017. No 9. P. 309. См. также о концепции Д. Чалмерса: Танюшина А.А. Виртуальный реализм, информационная онтология сознания и структурный реализм в философии Дэвида Чалмерса // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 4. С. 53–64.

³³ Chalmers D.J. The Virtual and the Reality. P. 310.

³⁴ Ibid. P. 317.

значимые для людей мира, чем неvirtуальные³⁵. Оставим методологический разбор этой книги для другой работы. Сейчас заметим лишь, что здесь автор выстраивает новое направление исследований, технофилософию, в котором посредством привлечения нового материала из практик разработки новых цифровых технологий, продолжая обсуждение проблемы реальности виртуальных миров, ставит вновь старые философские вопросы: что есть реальность в принципе, какова ее природа (область метафизики); какова природа нашего знания, как мы познаем мир и как мы узнаем, реален ли мир (область эпистемологии); хорош или плох мир, какова его ценность (область аксиологии). В целом его ответы, по его логике, задают новый горизонт для размышлений. Чалмерс полагает, что виртуальный мир так же реален, как и неvirtуальный. И мы действительно не знаем различия между неvirtуальным и виртуальным мирами, поскольку мы так или иначе прибегаем к моделированию. Что касается ценностного отношения, то мы ведем себя в виртуальном (цифровом мире) так же хорошо или плохо, как и в неvirtуальном мире³⁶.

Аргументы Д. Чалмерса выглядят убедительно лишь отчасти, поскольку больше касаются внешней характеристики, эпифеноменов VR. Человек, живущий в VR, переживающий эффект полного погружения, создаваемого иммерсивными средствами, испытывает такие же чувства, и даже еще более сильные, чем тот, кто живет в исходной физической и социальной реальности. Он испытывает эффект присутствия, причем, видимо, эмоционально более сильного. Более того, он может делать в VR то, что в принципе не может делать в социальной реальности с зафиксированными в ней нормами. Например, он (в виде цифрового двойника) может там убивать другого (тоже цифрового двойника). Он может там совершать деяния, которые запрещены в социальной реальности, но в цифровом, замещенном, превращенном виде, будучи сам цифровым двойником. Но в силу превращенности это присутствие выступает не реальным присутствием, а именно эффектом, кажущимся, как бы присутствием, недовоплощенным до своей реальной полноты. Но желание быть в присутствии и невозможность его воплощения в реальной социальной практике толкает на осуществление его, присутствия, но в превращенной форме.

И поэтому в повседневной практике постепенно происходит так называемый *ценностный событийный сдвиг*: для человека, живущего в VR, события, там происходящие с ним, становятся ценностно и смыслово более значимыми, нежели события в социальной, неvirtуальной жизни. VR для него становится событийной и ценностно окрашенной, жизненно значимой. В этой VR – он, то есть его цифровой аватар, любим, уважаем, он там герой, его принимают и славят. Яркий пример этому показан в фильме Д. Кэмерона «Аватар». Персонаж фильма, инвалид в жизни на Земле, прилетая на другую планету, попадая туда в виде цифрового аватара, становится Героем, спасающим Планету.

³⁵ *Chalmers D.J. Reality+: Virtual worlds and the problems of philosophy. N.Y., 2022.*

³⁶ Хотя книга, бесспорно, полезна с точки зрения обострения и актуализации базовых вопросов, касающихся методологии научного знания, роли моделирования в научном познании, несмотря на то, что книга написана в свойственном для американской традиции научно-популярном стиле, в жанре pocketbook, философии на каждый день, или философии для чайников.

Д. Чалмерс же делает вывод, что неvirtуальная реальность и VR есть две формы реализации человека, и обе обладают ценностью, более того, нет оснований полагать, что какая-то из них более реальна и значима, чем другая. Существование в VR может быть настолько же ценным, что и существование в исходном, физическом и социальном мире.

Мы не будем здесь далее спорить с Д. Чалмерсом по поводу виртуального сдвига в целом и по поводу возможности создания искусственного интеллекта, переселения человека в иное, небιологическое тело и т.д. Это отдельная проблема³⁷. Но что касается виртуальной реальности, здесь нет предмета спора. И нет нужды доказывать, что виртуальный мир – не иллюзия, а реальность. Но вопрос состоит в другом. Какова природа этой реальности?

Заметим, что исходная форма реальности у Д. Чалмерса редуцирована до физической, до существования эмпирического индивида (как это характерно вообще для аналитической традиции). Но дело в том, что человек есть существо социальное, деятельностное, культурное, способное на поступок, связанный с нравственным выбором. Эти качества не формируются в собственно физическом мире. В этом первом физическом мире он – вещь среди вещей, такое же животное, как любое другое. Только «двуногое и бескрылое». Но по мере его социокультурного развития на нем формируется иное, общественное «тело», неорганическое тело личности.

Поэтому сравнение VR с физической реальностью означает сильное упрощение, поскольку именно ценности и смыслы формируются вовсе не в физическом мире вещей, а в мире нравственных и социальных ответственных действий. Д. Чалмерс слишком упростил задачу. Она гораздо сложнее. Человек потому и уходит в VR, что именно как социальное и культурное существо он выбирает там, в VR, ценности и критерии собственной событийности, будучи не способным их найти в социальном мире. Этот уход в VR означает уход от себя, показывающий не просто цифровизацию, но и виртуализацию социокультурного мира, уход прежде всего ценностный, смысловой, событийный, а не чисто технологический. Это и означает его, человека как социокультурного существа, превращение, метаморфозу, оборачивание в цифрового двойника и замену себя, доvirtуального, своим цифровым аватаром.

Но для Д. Чалмерса, как и для других представителей компьютеризации, согласно которому разум имеет вычислительную природу, VR есть фактически результат компьютерного конструирования, построенного на вычислительной модели, последняя же должна так или иначе повторять исходную физическую реальность. А компьютер выстроен по логике алгоритма, по которому осуществляются операции по вычислению, происходящие в человеческом мозге.

Базовая пара категорий, лежащих в основании такой онтологии, сводится к паре вещь-машина. Человек с его мозгом сведен к функциональному органу, физическому объекту, его сознание – к операциям в мозге, а VR суть

³⁷ Д. Чалмерс, как и многие другие представители аналитической традиции, полагает, что искусственный интеллект (ИИ) возможен, поскольку сознание они понимают в категориях вычислительных операций. А поэтому эту функцию вычислений может выполнять искусственное техническое устройство, то есть ИИ. Последний и создает виртуальную среду. Достаточно построить хороший алгоритм, и можно создать ИИ. Тем самым AI наделяется качествами субъектности, а человек фактически элиминируется за ненадобностью. К. Маркс оказался прав.

порождение машины. Такая предельно редуцированная модель, как мы полагаем, не может быть удовлетворительной моделью для понимания природы не только VR, но и в целом природы мышления и человека.

При описании виртуальной реальности Д. Чалмерсу не хватает методологической точности. Да, VR – реальность. Но какова ее природа? Признание того, что виртуальный мир есть реальность, а не иллюзия, и что виртуальные объекты – это цифровые объекты, такое признание мало что дает исследователю. Этот спор похож на игру в бисер.

За этим феноменом стоит проблема отчуждения человека от самого себя, превращения его в цифрового заменителя. Д. Чалмерс не оперирует понятием ПФ. Он испытывает дефицит средств понимания и главное – противостояния, поскольку человеку нужна альтернатива этой форме жизни в виде ПФ.

Итак, VR устроена именно как ПФ. VR не иллюзия. Это форма реального существования. Точнее, такого существования, в основании которого лежит стремление к замещению неудавшегося социального способа бытия цифровым заменителем. VR становится таким замещением, фактически заполнением пустого социального места, которое человек реальным социальным содержанием не заполнил по разным причинам.

Природа этой ПФ как реальности – в ее превращенности, согласно которой исходное социальное отношение в реальной действительности заменяется иной формой виртуального существования, становящейся более значимой для индивида, нежели первая.

ПФ исходной, социальной реальности, переживается человеком при этом вполне реально (как, например, ребенок переживает, играя в свою игру), она доступна ему, предлагает ему разные формы *как бы полноты* и разнообразия существования. Это такая форма реальности, в которой возможно то, что невозможно в этой, первой, социальной реальности, что создает дополнительный соблазн для ухода индивида в эту реальность. VR доступна, проста в освоении, существование в ней не связано с выполнением социальных обязательств.

В этой ПФ сняты те нормативные и ценностные ограничения, которые приняты и установлены в социальной реальности. В ПФ индивид перестает фактически существовать как социальное существо. Все социальные ограничения здесь сняты. Он не берет ни перед кем никаких социальных и нравственных обязательств. Цифровые виртуальные объекты не предъявляют ему никаких требований. И сам индивид, живущий в VR, становится таким же виртуальным объектом, то есть цифровым аватаром. Смысловой и ценностный центр событийности смещается в эту реальность. Сама событийность становится виртуальной, кажущейся индивиду более полной, разнообразной, богатой и более значимой для него, нежели исходная социальная реальность.

Человек в виде своего цифрового двойника начинает жить в этой VR собственной жизнью, подчиняясь логике и законам VR, не подвластной человеку, оригиналу. В пределе аватар может и отделиться от своего оригинала, примеров чему уже много. Когда, например, по документам человек еще жив, он значится в базе данных, а реально он умер. И статистика, и все действия с этим человеком продельваются на основе этих данных, а не на основе того, что реально с человеком произошло. Его документальный заменитель как бы живет своей жизнью, им манипулируют, подают на него

сведения и проч., а физически его уже нет. Но по факту манипулируют данными о человеке, его ПФ, которая в ВР организуется, оформляется, живя своей жизнью как отдельная цифровая монада.

Виртуальная реальность: поиск онтологии

Некоторые исследователи, еще в доцифровую эпоху, представляли ВР фактически как форму работы сознания и подсознания: в виде форм и образов воображения, сновидений, различных образных представлений, игровых имитаций, художественных образов³⁸. По этой логике в сферу ВР они включили детскую игру, искусство, разные практики воображения и представления, сновидений, фактически, все многообразие работы сознания человека и шире – многообразие его психической жизни.

К таким попыткам относится, например, предложение Н.А. Носова о введении отдельного направления «виртуалистика», посвященного исследованию так называемых виртуальных объектов и состояний, которым данный автор пытается приписать онтологические качества. Но все примеры виртуальной реальности автор берет из реальности психической жизни (особые состояния летчика во время полета, сновидения, состояние пациентов, страдающих от алкоголизма, и др.). С другой стороны, Н.А. Носов пытается подвести под виртуалистику основания из истории философии, в которой были прецеденты обсуждения такой особой реальности, как потенциальное бытие (на примере работ Николая Кузанского и др.)³⁹.

С одной стороны, речь идет о различных воображаемых мирах, имеющих природу психической реальности (против чего никто и не возражает), с другой стороны, делаются попытки онтологизации ВР через категорию потенциально-виртуального бытия. Последнее есть бытие в потенции, в возможности состояться, в пределе – это обретение человеком собственной реальности через постижение бытия в Боге (поскольку для религиозного мыслителя бытие возможно лишь как бытие в Боге), в его Истоке. Исток бытия представлен как праформа, прообраз иных, последующих форм бытия (семя будущего дерева).

Эта идея не получила дальнейшего концептуального развития. Но вот феномен воображаемых миров, в которые погружается человек, для чего используются разные иммерсивные средства (компьютер с программой, тренажеры, наушники, очки и проч.), за счет которых человек испытывает эффект

³⁸ См.: Носов Н.А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 152–164; Розин В.М. Области употребления и природа виртуальных реальностей // Технологии виртуальной реальности. Состояние и тенденции развития. М., 1996. С. 57–68.

³⁹ Представление о ВР в категориях потенциального бытия, посредством которого сама реальность рассматривается с точки зрения сопричастности ее к своему онтологическому Истоку, имеет глубокие философские корни. Фактически концепт потенциального бытия получил развитие в таких идеях, как божественный «прообраз» у Николая Кузанского, «прафеномен» растения у И.В. Гете, «клеточка» капитала у К. Маркса, использующих разные примеры в виде растительных метафор – семя орехового дерева, желудь дуба и др. Но семя дерева можно «увидеть», замечал Кузанский, лишь умным зрением, «телесными глазами». Философ рассматривал прообраз «умным оком». Не так, как он видит актуальное дерево, а «виртуально», то есть как возможное будущее органического целого, его «божественный прообраз». В семени скрыта божественная потенция бытия. В семени в свернутом виде представлено будущее развитое целое, последнее присутствует в семени как прообраз (см.: Николай Кузанский. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1979. С. 46–47).

присутствия в особой реальности, получил фактическое воплощение в современных подходах по изучению ВР, поскольку разработчики получили в свое распоряжение новые информационно-компьютерные технологии, позволяющие создавать этот эффект присутствия⁴⁰.

Но надо понимать, что такое погружение есть манипуляция с сознанием. Фактически тем самым представление о ВР сводится к феноменам сознания, что показывает некоторое смещение границ ВР. Оно происходит от неточности методологической оптики, непроясненности природы ВР. Последняя отличается от работы сознания тем, что ВР – реальность, воплощенная в цифре, но заменяющая собой первую реальность, породившую ее. Как деньги замещают товар, а за ним – труд.

Думаю, что сведение ВР, ее объектов, к продуктам порождения сознания и подсознания – тоже редукция. Именно в силу того, что ВР – такая же реальность, но параллельная социальной и физической реальности, реальность превращенная, точнее, искусственно созданная с помощью компьютерной техники и информационных программ. В этом кроется ее магия и ее соблазн. Но в этом же кроется и ключик к ее расколдовыванию.

Для этого необходима настройка оптики мышления на выстраивание адекватной самой ВР онтологии, что в свою очередь нуждается в соответствующей предельной онтологии. Ведь ВР (как реальность, а не фикция сознания) не является и не может являться самостоятельной. Она по своей природе вторична. Но, как полагал С.С. Хоружий, до сих пор «философские основы виртуалистики не выстроены, философская и в особенности онтологическая трактовка виртуальных явлений до сих пор остается почти не развитой»⁴¹.

С другой стороны, повседневные практики поставляют нам огромное количество примеров виртуальной жизни, виртуальных проявлений, форм, вплоть до того, что мы уже говорим о ВР, о виртуальных объектах, виртуальных событиях, но концептуальной основы под свой весьма пестрый виртуальный опыт мы не подвели, дабы увидеть эту реальность умным, вооруженным глазом.

Сам С.С. Хоружий для понимания сути и смысла ВР отталкивается в своих представлениях о ВР от квантовой механики, в которой уже давно введены такие научные конвенции, как «виртуальный фотон», «виртуальная траектория элементарной частицы». Под последними имеется в виду целый ряд допущений физиков о существовании особых идеальных объектов, которое пока не доказано. Они лишены некоторых важных предикатов существования, выступая как бы некоторой недореальностью. В этом плане, полагал С.С. Хоружий, виртуальные явления характеризуются некоторым частичным, недоовоплощенным существованием, отсутствием ряда

⁴⁰ Может возникнуть вопрос о том, является ли такой же ПФ тренажер, с помощью которого пилот обучается вождению самолета. Заметим, что тренажер не существует без реального самолета. С помощью тренажера создается искусственная ситуация присутствия, имитируется, копируется реальная ситуация вождения. В этом плане это все равно копия. Поэтому само присутствие пилота в ситуации *как бы вождения* выступает такой же ПФ. Потом пилот все равно должен перейти уже к реальному пилотированию реального самолета. Скажем точнее: ПФ является не сам тренажер, он выполняет функцию технического средства, с помощью которого моделируется ситуация вождения. ПФ становится сама ситуация имитационного вождения.

⁴¹ См.: Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии. М., 2005. С. 40.

существенных признаков существования⁴². Им присуще «умаленное наличие».

В этом смысле ВР не обладает самостоятельным родом бытия, она распознается как некоторый субгоризонт, представляя собой «недород бытия». Виртуальные события суть проявления человека, подчас в крайних и радикальных формах, но в умаленном виде. Как это бывает часто, сдувается энергия в свисток. Виртуальные события яркие, броские. Человек в них реализуется, казалось бы, безгранично, он может в виртуальном мире творить то, чего не может делать в социальном и физическом. Но эта иллюзорная масштабность и радикальность как бы реализации означает погруженность в «умаленную и участненную, недоовоплотившуюся и недооформившуюся реальность, в сферу минимальной, пороговой событийности и энергетики»⁴³. Но ВР не может рассматриваться как сфера сущего, то есть наличного бытия, поскольку представляет собой недоналичествующее, «недосущее»⁴⁴.

Такое представление о ВР вполне переключается с нашим пониманием ВР именно как ПФ исходной, первой, реальности. Но не извращенной формой, не имитацией, не фикцией, а вполне себе реальной формой жизни, только представляющей собой способ существования в превращенном, то есть в отчужденном виде. Чтобы вернуться к себе, человек должен совершить распредмечивание, что невозможно в виртуальном мире, но возможно уже в новой социально-цифровой реальности, в которой виртуальная реальность выступает не иллюзией и не формой ухода от себя, а новым ресурсом развития.

Список литературы

- Батищев Г.С. Деятельностная сущность человека как философский принцип // Проблема человека в современной философии / Под ред. И.Ф. Балакиной и др. М.: Наука, 1969. С. 73–144.
- Давыдов Ю.Н. Перспектива марксистской культурологии (от проблематики отчуждения к проблеме культуры) // Неомарксизм и проблемы социологии культуры / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1980. С. 263–350.
- Ильенков Э.В. Идеальное и реальность. 1960–1979. М.: Канон+; Реабилитация, 2018. 528 с.
- Лангштейн М.С. Превращенные формы в политической экономии: вопросы методологии // Экономика Советской Украины. 1986. № 10. С. 39–46.
- Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 2-е изд. М.: Прогресс; Культура, 1992. 416 с.
- Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Пред. научно-ред. совета В.С. Степин. Т. 4. М.: Мысль, 2001. С. 264–266.

⁴² См.: Хоружий С.С. Род или недород. Заметки к онтологии виртуальности // Хоружий С.С. О старом и новом. СПб., 2000. С. 313.

⁴³ Там же. С. 349.

⁴⁴ См.: Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии. С. 42. Отчасти такое понимание переключается, как мы уже отметили выше, с представлением, идущим из философской традиции, согласно которой виртуальность есть реальность в потенции (потенциальное бытие). Виртуальные объекты и состояния в таком случае суть те, которые могут быть как возможные, могущие быть. В этом плане виртуальная реальность есть такая, которая существует лишь как возможность (см.: Рузавин Г.И. Виртуальность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. М., 2000. С. 404). Виртуальная реальность есть некоторый уровень существования, показывающий потенциальное состояние бытия. Но при всем том, что виртуальность претендует на статус реальности, она всегда не дана в наличии, она всегда – в возможности, недоовоплощенности, а потому и реальной в полном смысле быть не может.

- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 т. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955–1981.
- Немыкина О.И. Понятие виртуальности в философском контексте // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. № 1 (17). С. 53–62.
- Николай Кузанский. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / Пер. с лат. А.Ф. Лосева, В.В. Бибихина, Ю.А. Шичалина. М.: Мысль, 1979. 471 с.
- Носов Н.А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 152–164.
- Рагозина Т.Э. Форма превращенная как универсальная категория диалектики // Культура и цивилизация. 2017. № 2 (6). С. 60–69.
- Римский В.П., Калинина Г.И. Самополагание науки и превращенные формы знания // Научные ведомости. Сер.: Философия. Социология. Право. 2012. № 20 (139). Вып. 22. С. 28–39.
- Розин В.М. Области употребления и природа виртуальных реальностей // Технологии виртуальной реальности. Состояние и тенденции развития / Под. ред. Н.А. Носова. М.: ИТАР-ТАСС, 1996. С. 57–68.
- Рузавин Г.И. Виртуальность // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Пред. научно-ред. совета В.С. Степин. Т. 1. М.: Мысль, 2000. С. 404.
- Рушаник Б.А. Через превращенные формы – к политической экономии социализма // Экономические науки. 2012. № 2 (87). С. 46–50.
- Танюшина А.А. Виртуальный реализм, информационная онтология сознания и структурный реализм в философии Дэвида Чалмерса // Философский журнал / Philosophy Journal. 2021. Т. 14. № 4. С. 53–64.
- Хоружий С.С. Род или недород. Заметки к онтологии виртуальности // Хоружий С.С. О старом и новом. СПб.: Алетейя, 2000. С. 311–352.
- Хоружий С.С. Очерки синергичной антропологии. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005. 408 с.
- Chalmers D.J. The Virtual and the Reality // Disputatio. 2017. No. 9. P. 309–352.
- Chalmers D.J. Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy. N.Y.: W.W. Norton & Co, 2022. 505 p.
- Marx K., Engels F. Werke. Bd. 23: Das Kapital. Bd. I. Berlin: Dietz Verlag, 1968. 955 S.

Virtual reality as a transformed form*

Sergey A. Smirnov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 8 Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation; e-mail: smirnoff1955@yandex.ru

The article provides an analysis of one problem related to the discussion of the ontological status of virtual reality. The author proposes to discuss the problem of the reality of virtual worlds in terms of transformed forms. In this regard, an analysis is given of how this concept was introduced by K. Marx and how it was discussed further in the scientific literature. It is proposed to perceive the transformed form not as a perverted or false reality, but as a separate form of life presented in its transformation. An example is the metamorphosis of the cost of labor into the monetary form of a commodity, as was shown in *Capital*. On this example, a proposal is made, according to which virtual reality is the same transformed form of reality, and not an illusion of consciousness, and not an imaginary world. The qualities of the transformed form of reality are introduced: 1) a separate, but not independent form of life; 2) playing a role in the process of transformation as an indirect form; 3) representation in the form of a copy of the original; 4) sign-symbolic mode of existence; 5) dependence on the original, generic form of reality, not independence. It is shown that virtual reality is, as it were, an unembodied form

* The work was written within the framework of the grant project supported by the Russian Science Foundation Project No. 21-18-00103, <https://rscf.ru/project/21-18-00103/>

of reality, existence in its potency. Such a representation was presented in the history of philosophy in the form of the idea of potential being. But this idea did not subsequently become the basis for the development of an independent ontology of virtual reality. A distinction is made between the concept of virtual reality as a reality, not an illusion (the reality of digital objects) in the concept of D. Chalmers, and reality in the form of its transformed form. It is shown that virtual reality is not reduced only to the reality of imaginary worlds, to the reality of consciousness, the reality of special psychological states. The rationale is given that virtual reality is the continuation of a natural-artificial process of metamorphosis of human activity, only embodied in its transformed form. In this regard, the author proposes to interpret virtual reality as a form of life in its transformation and non-incarnation, which a person must use as a new resource for their development in order to overcome alienation from themselves.

Keywords: virtual reality, transformed form, life form, alienation, transformation, man, potential being

For citation: Smirnov, S.A. "Virtual'naya real'nost' kak prevrashchennaya forma" [Virtual reality as a transformed form], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 1, pp. 21–38. (In Russian)

References

- Batishchev, G.S. "Deyatel'nostnaya sushchnost' cheloveka kak filosofskij princip" [Activity Essence of Man as a Philosophical Principle], *Problema cheloveka v sovremennoj filosofii* [Man in the Modern Philosophy], ed. by I.F. Balakina et al. Moscow: Nauka Publ., 1969, pp. 73–144. (In Russian)
- Chalmers, D.J. "The Virtual and the Reality", *Disputatio*, 2017, No. 9, pp. 309–352.
- Chalmers, D.J. *Reality+: Virtual Worlds and the Problems of Philosophy*. New York: W.W. Norton & Co, 2022. 505 pp.
- Davydov, Yu.N. "Perspektiva marksistskoj kul'turologii (ot problematiki otchuzhdeniya k probleme kul'tury)" [The perspective of Marxist cultural studies (from the problem of alienation to the problem of culture)], *Neomarksizm i problemy sociologii kul'tury* [Neo-Marxism and Problems of the Sociology of Culture], ed. by G.V. Osipov. Moscow: Nauka Publ., 1980, pp. 263–350. (In Russian)
- Horujy, S.S. "Rod ili nedorod. Zametki k ontologii virtual'nosti" [Born or unborn. Notes on the ontology of virtuality], in: S.S. Horujy, *O starom i novom* [The old and the new]. St. Petersburg: Aletejya Publ., 2000, pp. 311–352. (In Russian)
- Horujy, S.S. *Oчерки синергичной антропологии* [Essays on Synergistic Anthropology]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy Publ., 2005. 408 pp. (In Russian)
- Il'enkov, E.V. *Ideal'noe i real'nost'. 1960–1979* [Ideal and reality. 1960–1979]. Moscow: Kanon+ Publ.; Reabilitaciya Publ., 2018. 528 pp. (In Russian)
- Langshajtejn, M.S. "Prevrashchennyye formy v politicheskoj ekonomii: voprosy metodologii" [Transformed Forms in Political Economy: Questions of Methodology], *Ekonomika Sovetskoi Ukrainy*, 1986, No. 10, pp. 39–46. (In Russian)
- Mamardashvili, M.K. "Forma prevrashchennaya" [Transformed Form], *Novaya filosofskaya enciklopediya* [New encyclopedia of philosophy], Vol. 4, ed. by V.S. Stepin et al. Moscow: Mysl' Publ., 2001, pp. 264–266. (In Russian)
- Mamardashvili, M.K. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [As I understand philosophy], 2nd ed. Moscow: Progress Publ.; Kul'tura Publ., 1992. 416 pp. (In Russian)
- Marks, K. & Engels, F. *Sochineniya* [Works], 50 Vols., 2nd ed. Moscow: Izd-vo politicheskoj literatury Publ., 1955–1981. (In Russian)
- Marx, K. & Engels, F. *Werke, Bd. 23: Das Kapital*, Bd. I. Berlin: Dietz Verlag, 1968. 955 S.
- Nemykina, O.I. "Ponyatie virtual'nosti v filosofskom kontekste" [The concept of virtuality in a philosophical context], *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Gumanitarnye nauki*, 2011, No. 1 (17), pp. 53–62. (In Russian)

- Nicholas of Cusa. *Sochineniya* [Works], Vol. 2, trans. by A.F. Losev, V.V. Bibikhin and Yu.A. Shichalin. Moscow: Mysl' Publ., 1979. 471 pp. (In Russian)
- Nosov, N.A. "Virtual'naya real'nost'" [Virtual Reality], *Voprosy filosofii*, 1999, No. 10, pp. 152–164. (In Russian)
- Ragozina, T.E. "Forma prevrashchennaya kak universal'naya kategoriya dialektiki" [Form transformed as a universal category of dialectics], *Kultura i civilizaciya*, 2017, No. 2 (6), pp. 60–69. (In Russian)
- Rimskij, V.P. & Kalinina, G.I. "Samopolaganie nauki i prevrashchennyye formy znaniya" [Self-positing of science and transformed forms of knowledge], *Nauchnye vedomosti, Seriya Filosofiya, Sociologiya, Pravo*, 2012, No. 20 (139), Iss. 22, pp. 28–39. (In Russian)
- Rozin, V.M. "Oblasti upotrebleniya i priroda virtual'nykh real'nostei" [Areas of use and nature of virtual realities], *Tekhnologii virtual'noi real'nosti. Sostoyanie i tendentsii razvitiya* [Virtual reality technologies. Status and development trends], ed. by N.A. Nosov. Moscow: ITAR-TASS Publ., 1996, pp. 57–68. (In Russian)
- Rushanik, B.A. "Cherez prevrashchennyye formy – k politicheskoy ekonomii socializma" [Through transformed forms to the political economy of socialism], *Ekonomicheskie nauki*, 2012, No. 2 (87), pp. 46–50. (In Russian)
- Ruzavin, G.I. "Virtual'nost'" [Virtual], *Novaya filosofskaya enciklopediya* [New encyclopedia of philosophy], Vol. 1, ed. by V.S. Stepin et al. Moscow: Mysl' Publ., 2000, pp. 404. (In Russian)
- Tanyushina, A.A. "Virtual'nyj realizm, informacionnaya ontologiya soznaniya i strukturnyj realizm v filosofii Devida Chalmersa" [Virtual Realism, Information Ontology of Consciousness and Structural Realism in the Philosophy of David Chalmers], *Filosofskij zhurnal / Philosophy Journal*, 2021, Vol. 14, No. 4, pp. 53–64. (In Russian)